

ПОЛИНА МИРСКАЯ

ХОЗЯЙКА
АПТЕКАРСКОЙ ЛАВКИ

Лекарство для генерала-дракона

Полина Мирская

**Хозяйка аптекарской лавки.
Лекарство для генерала-дракона**

«Автор»

2026

Мирская П.

Хозяйка аптекарской лавки. Лекарство для генерала-дракона /
П. Мирская — «Автор», 2026

Я провизор с четырнадцатилетним стажем. Была. Пока не очнулась в 1842 году — в теле двадцатитрёхлетней вдовы аптекаря, в городе, где лечат ртутью, кровопусканием и молитвой. Мне досталась пыльная лавка, долг в триста империалов и три месяца, чтобы сдать испытание, которого не выдерживала ни одна женщина. Глава аптекарской гильдии уже решил, что я провалюсь. А в шкафу с ядами после смерти мужа кто-то хозяйничал. Ещё в этом городе есть генерал. Огненный змей, который полгода не может подняться в небо. Мрачный, упрямый — и почему-то каждый вечер приходит проверить, сплю ли я. Магия мне не поможет. Помогут кипячёная вода, медная шпилька и знания, которых в этом веке ещё нет.

Содержание

Глава 1. Ночная смена	5
Глава 2. Триста империалов	10
Глава 3. Шкаф с ядами	15
Глава 4. Медный таз	19
Глава 5. Доктор Брюсов	23
Глава 6. Человек в золотом пенсне	27
Глава 7. Денщик Ефим	31
Глава 8. Генерал Северский	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Полина Мирская

Хозяйка аптекарской лавки.

Лекарство для генерала-дракона

Глава 1. Ночная смена

Из «Аптекарского журнала» А. Вересовой: «Рецепт от всех болезней сразу в этой губернии таков: ртуть, молитва и терпение. Терпение, как правило, кончается раньше пациента. Записываю на будущее: начать с терпения».

Тверь. Октябрь 2026 года.

Без четверти восемь утра в круглосуточной аптеке на Тверском проспекте пахло мокрыми куртками, мятными леденцами и усталостью.

— Девушка, мне бы что-нибудь... ну, от всего.

Алёна Сергеевна Ковалёва подняла глаза от кассы. Перед окошком стоял мужчина лет пятидесяти в шапке, надвинутой до бровей, и смотрел на неё с надеждой, с какой обычно смотрят на чудотворные иконы.

— От всего — это от чего именно? — спросила она.

— Ну... голова болит. Спина. Жена пилит. Начальник — тоже.

— От жены и начальника у нас ничего нет, — честно сказала Алёна. — От головы и спины могу предложить. А с остальным, боюсь, только время помогает. Или отпуск.

Мужчина хмыкнул, впервые за разговор, и полез за кошельком. Алёна пробила ибупрофен, мазь и, подумав, бесплатно положила в пакет пару мятных леденцов. Пусть хоть что-то в его утре будет сладким.

Дверь хлопнула, впустив порцию октябрьской сырости. В подсобке зашипел чайник: это пришла сменщица, Танечка, вечно опаздывающая на десять минут и вечно извиняющаяся так искренне, что сердиться на неё было невозможно.

— Алёна Сергеевна, простите, автобус...

— Знаю, знаю. Автобус, светофор и заговор мировой закулисы. Касса сдана, рецепты подшиты, у Петровой из третьего подъезда завтра заканчивается инсулин — напomini ей, она забывает.

— Вы как ходячий журнал учёта, — восхитилась Танечка.

— Я провизор с четырнадцатилетним стажем, — поправила Алёна, стягивая белый халат. — Это хуже.

Она вышла на крыльцо и на секунду зажмурилась. Тверь утром в конце октября выглядела как старая акварель, которую кто-то забыл под дождём: серое небо, жёлтые листья, прилипшие к асфальту, и Волга где-то за домами, невидимая, но ощутимая по запаху речной воды.

Тридцать шесть лет. Две смены подряд. Четырнадцать лет в чужих аптеках, где хозяева меняли вывески, но не меняли привычки: экономить на кондиционере, на зарплатах и на здравом смысле.

И одна мечта, такая простая, что Алёна стеснялась говорить о ней вслух. Своя аптека. Не очередная точка, где коробки достают с полки и пробивают на кассе, а настоящая — производственная, где лекарства делают руками. Мази, микстуры, сборы по рецепту. Такие аптеки почти исчезли, в Твери осталась одна, при областной больнице, и Алёна проходила в ней практику на четвёртом курсе. С тех пор она помнила, как там пахло: камфорой, травами и правильно сделанной работой. Своя такая аптека, без директора, который считает, что валерьянка лечит всё, включая плохую выручку.

На мечту было отложено почти достаточно. Позавчера она даже ходила посмотреть помещение на Советской — бывшую часовую мастерскую с высокими окнами. Риелтор называл его «перспективным», что в переводе с риелторского означало «там течёт крыша».

«Ничего, — думала Алёна, ступая на переход. — Крышу можно починить. Главное, чтобы...»

Свет фар она увидела сбоку, уже слишком близко. Машину развернуло на мокрых листьях, как сани на льду. Визг тормозов оказался неожиданно тонким, почти детским.

Последней мыслью Алёны Сергеевны Ковалёвой было совершенно неуместное: «Я же не сдала отчёт по наркотическим...»

А потом не стало ничего.

Велиград. Октябрь 1842 года.

Пахло воском.

Не ароматической свечой из супермаркета, а настоящим, тяжёлым, медовым воском. К нему примешивался запах сухих трав — лаванды, мяты и чего-то горьковатого, похожего на полынь. И ещё чем-то, что Алёна узнала бы с закрытыми глазами даже во сне: камфорой.

«Больница, — решила она. — Странная больница».

Голова раскалывалась. Не болела, а именно раскалывалась, как перезревший арбуз, по которому прошлись поварёшкой. Алёна открыла глаза и увидела потолок.

Потолок был деревянный. С тёмными балками. И с паутиной в углу, которую никакая санэпидемстанция не простила бы ни одной больнице.

— Батюшки! Очнулась! Барыня очнулась!

Над ней склонилось круглое морщинистое лицо в белом чепце. Лицо принадлежало женщине лет шестидесяти — плотной, румяной, с маленькими цепкими глазами, которые сейчас были мокрыми от слёз.

— Пресвятая Богородица, я уж думала, и вас следом за барином понесём! Третьи сутки в горячке! Бредили, барыня, такое говорили — страх! Про какие-то отчёты, про нарко... нарки... слова-то какие, не выговоришь! Я уж батюшку звать хотела!

— Воды, — хрипло попросила Алёна, потому что это было единственное, в чём она сейчас была уверена.

Женщина метнулась куда-то в сторону и вернулась с глиняной кружкой. Алёна сделала глоток — и чуть не выплюнула. Вода отдавала тиной, железом и, кажется, лягушками.

— Это откуда? — спросила она.

— Из бочки, барыня, откуда ж ещё. Вчерашняя, свежая.

Алёна посмотрела в кружку. На дне медленно оседало что-то бурое.

— Её надо кипятить.

— Кипятить? — Женщина уставилась на неё так, будто Алёна предложила выкупать воду в шампанском. — Воду-то? Так ведь не самовар. Кто ж воду попусту кипятит?

— Я, — твёрдо сказала Алёна. — С сегодняшнего дня — я.

Она попыталась сесть, и мир качнулся. Из-под одеяла показались руки, и Алёна застыла. Руки были не её.

Тонкие, бледные, с узкими запястьями и длинными пальцами. Без мозоли от ручки на среднем пальце. Без маленького шрама от разбитой колбы, полученного ещё на третьем курсе. Без кольца, которое она носила десять лет, — простого серебряного, мамин подарок.

— Зеркало, — сказала Алёна очень спокойно. Так спокойно говорят, когда на складе обнаруживают недостачу на миллион.

— Барыня, да зачем вам зеркало-то сейчас, после горячки... вы ж бледная, как...

— Зеркало. Пожалуйста.

Женщина вздохнула, сходила к комоду и принесла небольшое зеркальце в медной оправе.

Из мутного стекла на Алёну смотрела девушка лет двадцати трёх. Светлые, почти пепельные волосы, спутанные после болезни. Серые глаза — огромные на осунувшемся лице. Острый подбородок. Губы, искусанные до корочек.

Красивая, отметила Алёна с профессиональной отстранённостью. Истощённая, обезвоженная, с признаками недавней лихорадки. И совершенно незнакомая.

«Так, — сказала она себе. — Без паники. Паника увеличивает потребление кислорода, а кислорода тут, судя по закрытым окнам, и так мало».

— Как вас зовут? — спросила она женщину.

Та всплеснула руками.

— Ой, беда-то! Память отшибло! Агафья я, барыня! Агафья! Я ж вас с первого дня, как вы сюда невестой вошли, обихаживаю! Неужто и меня не помните?

— Голова, — Алёна поморщилась, и ей даже не пришлось притворяться. — После горячки всё как в тумане. Агафья, расскажите мне... всё. С самого начала. Как будто я ничего не знаю.

Это было самой честной просьбой в её жизни.

Агафья присела на краешек кровати, расправила передник и, судя по тому, как заблестели её глаза, приготовилась к лучшему разговору за последнюю неделю.

Через полчаса Алёна знала следующее.

Зовут её Алёна Дмитриевна Вересова. Ей двадцать три года. Полтора года назад её, бесприданницу, сироту из обедневшей семьи, выдали замуж за Павла Ивановича Вересова, аптекаря. Человека тихого, учёного, на пятнадцать лет старше.

Неделю назад Павел Иванович скончался. «От желудочной хвори, — сказала Агафья, понизив голос. — Мучился, сердешный, три дня. Доктор Брюсов ему кровь пускал, ртутные пилюли давал — ничего не помогло».

Алёна мысленно отметила и кровопускание, и ртутные пилюли, и отложила эти факты в дальний ящик. Профессиональная привычка: всё, что выглядит странно, записывать.

Год на дворе стоял тысяча восемьсот сорок второй. Агафья сказала это так буднично, будто речь шла о погоде, а у Алёны на мгновение потемнело в глазах.

Три дня назад Павла Ивановича похоронили. На кладбище молодая вдова упала в обморок, ударилась виском о чужую ограду и слегла в горячке. Маги-лекари к ней не поехали.

— Какие маги? — переспросила Алёна.

— Как какие? — удивилась Агафья. — Целители. Из благородных. Ладонь приложат — и хворь как рукой. Только они к купцам да к дворянам ездят, им за визит пять рублей серебром подавай. А у нас откуда пять рублей?

«Маги, — подумала Алёна. — Целители. Ладонь приложат». Она очень осторожно, словно проверяя больной зуб, коснулась этой мысли. Мысль была безумной. Но не более безумной, чем чужие руки на одеяле.

— А ещё кто бывает... из благородных? — спросила она как можно небрежнее.

— Да кого только нет, — Агафья махнула рукой. — Огневики, водяные, вон в Губернском правлении один землю чувствует, где колодец рыть. А уж самые знатные — те змеевых кровей. Огненные змеи. Это господа их по-заграничному драконами величают, а по-нашему — змей, он змей и есть. Как в бабкиных сказках, что по ночам искрами над крышами летает. Вот, к примеру, генерал Северский, что с границы воротился. Говорят, раньше над Велиградом летал так, что крыши дрожали. А теперь не оборачивается. Сглазили, что ли. Или рана какая. Ходит по городу мрачный, как туча, сам себе на уме.

Она перекрестилась, будто генерал мог услышать.

— Змеевых, — повторила Алёна. — Драконы, значит.

— Ну да. А что вы так смотрите, барыня? Опять голова?

— Опять голова, — согласилась Алёна. Голова и правда кружилась.

Что-то тёплое и тяжёлое вдруг прыгнуло ей на колени. Алёна вздрогнула. На одеяле сидел огромный рыжий кот с белым пятном на груди и смотрел на неё жёлтыми глазами — пристально, оценивающе, как ревизор на кассу.

— Фосфор, брысь! — замахнулась Агафья. — Барин его с котёнка держал. В лавке мышей ловит, а сам всё в травах валяется. Ишь, принюхивается...

Кот обнюхал руку Алёны, подумал и громко чихнул.

— Вот и я о том же, — сказала ему Алёна. — Мне тоже кажется, что здесь что-то не так.

Кот, похоже, согласился. Он свернулся клубком у неё на коленях и замурлыкал так громко, будто внутри у него работал маленький самовар.

Лавка находилась внизу. Агафья возражала, причитала и грозилась позвать соседку, но Алёна, держась за перила, всё же спустилась по крутой скрипучей лестнице.

И остановилась на последней ступеньке.

Это была аптека. Настоящая.

Длинный прилавок тёмного дерева, отполированный локтями покупателей. За ним — стена от пола до потолка, сплошь в ящичках с латунными ручками и надписями на латыни. На полках стояли пузатые штангласы из толстого стекла, фаянсовые банки с синими узорами, медные весы с гирьками. В углу темнела огромная ступка, похожая на корабельную пушку.

Свет пробивался сквозь пыльные окна и ложился на всё это полосами, как в старой церкви.

Алёна медленно провела ладонью по прилавку. Пыль. Толстая, серая, недельная пыль.

«Своя аптека, — подумала она, и ей вдруг стало одновременно смешно и страшно. — Ты хотела свою аптеку. Производственную, где лекарства делают руками. Пожалуйста. Распишитесь в получении».

Она подошла к ближайшей полке и прочитала надпись на банке. *Hydrargyrum chloratum*. Каломель. Хлорид ртути. Рядом — *Arsenicum album*. Мышьяк. На следующей — пилюли «от всех болезней», судя по рукописной этикетке, состава неизвестного, срок годности неизвестен, совесть производителя под вопросом.

— Павел Иванович, — тихо сказала Алёна пустой лавке. — Чем же вы людей лечили?

Лавка не ответила. Только в дальнем ящике кто-то зашуршал — мышь или Фосфор, который уже успел спуститься следом и теперь деловито обнюхивал мешок с ромашкой.

Алёна выдвинула один из ящиков. Сушёный зверобой — пересушенный, но годный. Второй — липовый цвет, отличный. Третий — что-то бурое, подозрительно похожее на прошлогодних тараканов.

Она закрыла третий ящик очень аккуратно.

— Барыня! — Агафья появилась в дверях, запыхавшаяся, с шалью в руках. — Да что ж вы босиком-то, по холодному полу! Накиньте хоть!

Алёна послушно закуталась в шаль. От шали пахло нафталином и дымом, и это было, как ни странно, уютно.

— Агафья, — сказала она. — Сколько дней лавка закрыта?

— Да с той поры, как барин слёг. Десятый день, почитай.

— А люди приходили?

— Приходили, — неохотно призналась Агафья. — Кто за порошком, кто за мазью. Я говорила: закрыто, хозяин помер, приходите, как вдова в себя придёт. А некоторые... — она замялась.

— Что — некоторые?

— Некоторые не за лекарствами приходили, барыня.

Алёна обернулась. В голосе Агафьи прозвучало что-то такое, отчего каменный пол под босыми ступнями вдруг показался ещё холоднее.

— А за чем?

Ответить Агафья не успела.

В дверь лавки постучали. Не так, как стучат покупатели, — робко, с извинением. А тяжело, размеренно, по-хозяйски. Три удара, пауза. Ещё три.

Фосфор выгнул спину и зашипел на дверь, распушив хвост.

Агафья побледнела и почему-то шагнула вперёд, загораживая хозяйку.

— Не открывайте, барыня, — прошептала она. — Это он. Каждый день ходит.

— Кто?

— Купец Сысоев. Тот, кому барин деньги должен.

Стук повторился. А затем из-за двери раздался голос — густой, сытый, как наваристые щи:

— Алёна Дмитриевна! Я знаю, что вы дома. Мне соседи сказали, что вы в себя пришли. Откройте, сделайте милость. Не хотелось бы через полицию.

Алёна посмотрела на Агафью. На Фосфора. На пыльные ящички с латынью, на банку с каломелью, на свою новую тонкую руку на шали.

«Четырнадцать лет, — подумала она, — я разговаривала с проверяющими, с поставщиками, с главврачами и с покупателями, которые требовали антибиотики без рецепта. Неужели я испугаюсь купца?»

— Откройте, Агафья, — сказала она и выпрямилась, насколько позволяла кружащаяся голова.

Агафья, бормоча молитву, отодвинула засов.

На пороге стоял высокий грузный мужчина в бобровой шапке и добротной шубе. Лицо у него было широкое, гладко выбритое, с маленькими глазками, которые сразу же обежали лавку — полки, весы, ступку, — будто пересчитывая. Только после этого они остановились на Алёне.

— Примите мои соболезнования, Алёна Дмитриевна, — сказал Сысоев и снял шапку. Под шапкой оказалась блестящая лысина. — Хороший человек был Павел Иванович. Учёный. Жаль, считать не умел.

Он вынул из-за пазухи сложенную бумагу с сургучной печатью и развернул её с видимым удовольствием.

— Расписка вашего покойного супруга, — объявил он. — Триста империалов золотом. Срок вышел на Покров. И я, сударыня, пришёл за своими деньгами.

Триста империалов. Алёна ещё не знала здешних цен. Но по тому, как ахнула и осела на табурет Агафья, поняла: это не много.

Это — всё.

Глава 2. Триста имперIALов

Из «Аптекарского журнала» А. Вересовой: «Здеиный курс: один имперIAL — десять рублей, один рубль — сто медяков, одна вдова — ноль прав. Последний пункт подлежит пересмотру».

— Можно взглянуть? — спросила Алёна и протянула руку к расписке.

Сысоев помедлил, но бумагу отдал. Не из вежливости, поняла Алёна, а из уверенности: что может прочитать там вдова, которая три дня пролежала в горячке и три дня назад, по слухам, упала в обморок на кладбище?

Почерк был мелкий, аккуратный, с завитками на заглавных буквах. Аптекарский почерк, отметила Алёна. Человек, который пишет рецепты, не позволяет себе небрежности. «Я, Павел Иванович Вересов, взял у купца второй гильдии Евграфа Сысоева триста имперIALов золотом на закупку материалов и обязуюсь вернуть оные до Покрова». Подпись. Дата — апрель сего года. Печать.

— На закупку материалов, — вслух повторила Алёна. — Каких материалов?

— Почём мне знать? — Сысоев пожал плечами под шубой. — Аптекарских. Склепок там, трав, порошков. Покойник не докладывал.

Алёна оглядела лавку. Пыльные банки. Полупустые ящички. Пересушенный зверобой и неизвестные бурые объекты в третьем ящике слева. Если Павел Иванович весной потратил три тысячи рублей на материалы, то эти материалы явно ушли не сюда.

Ещё одна странность — к ртутным пилюлям и кровопусканию.

— Хорошо, — сказала она и вернула расписку. — Долг признаю. Денег сейчас нет.

— Это я понимаю, сударыня, — с готовностью кивнул Сысоев, и в голосе его прозвучало сочувствие, какое звучит у кота, наблюдающего за мышью. — Потому и предлагаю по-доброму. Лавка ваша, со всем товаром, весами и прочим, идёт мне в счёт долга. А я вам ещё сверху полсотни рублей накину. На первое время. Поедете к родне, в деревню, отдохнёте.

— У меня нет родни, — сказала Алёна. Это она знала из рассказов Агафьи.

— Ну, в монастырь можно, — не смутился купец. — Многие вдовы так делают. Тихо, богоугодно.

Агафья за спиной Алёны издала звук, похожий на свист закипающего чайника.

Алёна посмотрела на купца внимательно, как смотрела в прошлой жизни на поставщика, который приносил накладную с «небольшой ошибкой» в свою пользу. Лавка в центре города, с товаром, с оборудованием, в счёт трёх тысяч рублей и ещё полсотни сверху «по доброте». Либо купец Сысоев был святым, либо лавка стоила намного больше, чем он говорит.

На святого Сысоев не походил.

— А если я не соглашусь? — спросила она.

— Тогда через суд, сударыня. Опись, торги, пристав. Срам один. — Он развёл руками. — Мне-то что, я своё получу. А вам потом по съёмным углам мыкаться.

— Барыня, — вдруг подала голос Агафья. — А ведь закон-то есть.

Оба повернулись к ней. Агафья покраснела до корней волос, но не отступила.

— Есть закон, — повторила она упрямее. — Царский. Я сама слыхала, когда у Лукерьи, просвирни, муж-булочник помер. Ежели муж дело держал, а сам помер, вдова может три месяца то дело вести. Пока гильдия не решит, годится она али нет. И никто три месяца лавку тронуть не смеет. Даже за долги.

Сысоев поморщился, как от кислого.

— Это ежели гильдия позволит.

— А вот мы и узнаем, позволит ли, — сказала Алёна, чувствуя, как внутри поднимается что-то давно забытое. Азарт. Тот самый, с которым она когда-то, ещё молодой специалисткой, вытаскивала аптеку из провальной проверки. — Евграф... как вас по батюшке?

— Евграф Лукич.

— Евграф Лукич. Через три месяца вы получите свои триста имперIALов. Или лавку, если я не справлюсь. Но не раньше.

Купец долго смотрел на неё своими маленькими глазками. Потом вдруг усмехнулся — коротко, почти уважительно.

— А покойник говорил, что вы, сударыня, тихая. Мышь, говорил, не жена.

— После горячки многое меняется, — сказала Алёна.

— Видать, так. — Сысоев надел шапку. — Три месяца, сударыня. До того дня, как гильдия скажет о вас своё слово. А только знайте: не я один на эту лавку смотрю. Есть люди и посерьёзнее меня. Им ждать не с руки.

Он кивнул и вышел. Дверь хлопнула, колокольчик над ней жалобно звякнул.

Агафья медленно опустила на табурет и прижала руки к груди.

— Ох, барыня. Ох, что ж это я, дура старая, полезла...

— Агафья, — сказала Алёна, — вы только что спасли нам три месяца. Хотите, я вас поцелую?

— Тыфу на вас! — Агафья замахала руками, но было видно, что ей приятно. — Скажете тоже. Поцелую! Барыня кухарку целовать собралась. Точно горячка ещё не прошла.

Вторым номером программы — так это мысленно назвала Алёна — стала ревизия денег.

Агафья принесла из кухни жестяную коробку из-под чая, с облезлым китайским драконом на крышке, и торжественно открыла её на столе в задней комнате.

Внутри лежало: четыре серебряных рубля, горсть медяков, пуговица, засушенный цветок и записка с рецептом пирога.

— Это всё? — спросила Алёна.

— Всё, барыня. Барин деньги в конторке держал, а конторку, как слёг, запер. Ключ при нём был. А как помер... — Агафья понизила голос. — Ключ-то, видать, с ним и похоронили. В кармане сюртука.

Алёна прикрыла глаза. «Отлично. Наличность — четыре рубля. Долг — три тысячи. Сейф закопан на кладбище вместе с владельцем. Добро пожаловать в малый бизнес».

— Агафья, покажите конторку.

Конторка стояла в углу задней комнаты — тяжёлая, дубовая, с откидной крышкой и медным замком. Алёна подёрнула крышку. Заперто. Постучала по боковой стенке. Глухо.

— Топор есть? — спросила она.

Агафья перекрестилась.

— Барыня! Это ж барская вещь! Её ж дед ещё покойника из Риги вёз!

— Агафья. Если мы не узнаем, что внутри, через три месяца эту рижскую вещь заберёт купец Сысоев. Вместе с нами, если не повезёт.

Аргумент подействовал. Однако топора не понадобилось. Пока они спорили, Фосфор, которому, видимо, наскучили человеческие разговоры, запрыгнул на конторку, потоптался и улёгся на крышку, свесив пушистый хвост. Хвост задел латунную розетку сбоку. Розетка щёлкнула и повернулась.

Крышка конторки приоткрылась на палец.

Алёна и Агафья молча посмотрели на кота. Кот посмотрел на них с выражением глубокого превосходства и зевнул.

— Потайной замок, — прошептала Агафья. — Ах ты ж, ирод рыжий... Восемь лет у барина живёт, а молчал!

— Фосфор, — серьёзно сказала Алёна, — назначаю вас главным по сейфам. Жалованье — сметана.

Пока Агафья гремела на кухне, ставя на огонь самый большой котёл — «воду кипятить, прости Господи», — Алёна села за стол с огрызком карандаша и обороткой старого счёта.

Привычка считать была сильнее горячки. Триста империалов — три тысячи рублей. До испытания меньше трёх месяцев, около восьмидесяти дней. Значит, под сорок рублей чистой прибыли в день. Каждый день, без выходных и праздников.

Она спросила у Агафьи через стенку, почём в лавке шёл порошок от головы.

— Пятачок, барыня! — донеслось с кухни. — А мазь от ожогов — гривенник. А пилюли барские, от всего, — двугривенный. Их купчихи брали.

Алёна посмотрела на свои цифры. Чтобы заработать сорок рублей на пятактовых порошках, нужно было продать их восемьсот штук в день. Весь Велиград должен был ежедневно мучиться головной болью и ходить за лекарством исключительно к ней.

Она зачеркнула расчёт и написала сверху крупно: «Порошками не спастись».

Потом ниже, подумав: «Нужен товар, который нужен всем. Каждый день. И которого ни у кого нет».

Перо зависло над бумагой. Мыло? Здесь моются, судя по запаху, раз в неделю в бане. Зубной порошок? Мазь от обморожений к зиме? Что-то, что женщины будут покупать для себя, а не для больного мужа?

— Агафья, — позвала она. — А чем местные барыни белятся?

— Белилами, известно. Свинцовыми. В мелочной лавке продают, у Прохорова, — откликнулась Агафья. — А что?

Свинцовые белила. Алёна медленно положила карандаш. Где-то в далёкой прошлой жизни, на лекции по токсикологии, преподаватель показывал портреты придворных красавиц прошлых веков и объяснял, почему так много из них умирали молодыми.

— Ничего, — сказала она. — Пока ничего.

Но записала и это.

В конторке денег не оказалось.

Там лежали счета — аккуратные столбики цифр, подписанные тем же мелким почерком. Счета за свечи, за дрова, за уксус. Расписка Сысоева — копия. Два письма от поставщиков с вежливыми напоминаниями о долгах. И толстая книга в кожаном переплёте, на обложке которой было вытиснено: «Рецептурный журнал аптеки П. И. Вересова».

Алёна открыла журнал наугад. Рецепты. Сотни рецептов, записанных столбиками, с латинскими названиями, дозами и пометками на полях. «Купчихе Ереминой — от головной боли, третий раз». «Мальчику Кузьмы-сапожника — от кашля, помогло». «Его превосходительству...» Дальше имя было вымарано.

Почти на каждой странице встречалась ртуть. В пилюлях, в мазях, в порошках. Как будто Павел Иванович, человек явно аккуратный и неглупый, был уверен, что ртуть лечит всё на свете.

Впрочем, подумала Алёна, в его времени так считали очень многие врачи. Лучшие из них.

Последние страницы журнала были пустыми. Нет, не пустыми — вырванными. Аккуратно, по корешку, острым лезвием. Три или четыре листа.

Алёна провела пальцем по обрывкам бумаги у переплёта.

— Агафья. Кто, кроме мужа, брал этот журнал?

— Никто, барыня. Барин его как зеницу ока берёт. Даже вас к конторке не подпускал. — Она смущённо кашлянула. — Вы уж простите. Строгий он был насчёт бумаг.

Третья странность за один день. Алёна поймала себя на том, что начала их считать — как считала когда-то недостатки на складе.

Под вечер, когда за окнами уже сгустились сизые сумерки и Агафья зажгла сальную свечу — восковые, как выяснилось, берегли для покупателей и для праздников, — в дверь лавки снова поступали.

На этот раз стук был сухим, канцелярским, будто стучали не кулаком, а свёрнутой в трубку бумагой.

— Неужто опять Сысоев? — испугалась Агафья.

Но за дверью стоял худой молодой человек в потёртой шинели с латунными пуговицами и в фуражке, надвинутой на уши. Нос у него был красный от холода, а под мышкой — кожаная папка.

— Писарь Аптекарской гильдии Велиграда, Семён Кондратьевич Пыжов, — отрекомендовался он, слегка заикаясь на «П». — К вдове аптекаря Вересова. По делу.

— Я вдова, — сказала Алёна. — Проходите, Семён Кондратьевич. Чаю?

Писарь заморгал. Видимо, чаю ему в этом деле не предлагали ни разу.

— Б-благодарствую, некогда. — Он раскрыл папку и извлёк лист с гербовой печатью. — По уставу гильдии и по закону Его Императорского Величества вдова члена гильдии вправе продолжать дело покойного супруга сроком не более трёх месяцев. По истечении срока вдова обязана явиться в гильдию и держать испытание на право самостоятельной торговли аптекарскими товарами. Испытание назначено на понедельник после Крещения. Ежели вдова испытания не выдержит или не явится, дело переходит под опеку гильдии, а имущество — к продаже. Вот здесь распишитесь, что уведомлены.

Он протянул перо. Алёна взяла его, обмакнула в чернильницу и задумалась над листом.

— Скажите, Семён Кондратьевич, — спросила она, — а женщины это испытание когда-нибудь сдавали?

Писарь задумался так честно, что у него даже порозовели уши.

— На моей памяти — нет, сударыня. Пробовала одна, лет восемь назад, вдова Шульц. Да провалилась на латыни. А потом и на опытах. — Он помолчал и добавил, понизив голос, совсем по-человечески: — Там, сударыня, вопросы такие, что и сами члены гильдии не все ответят. Особенно ежели экзаменатор недоволен.

— А кто экзаменатор?

— Глава гильдии. Господин Штраль.

Он сказал это так, как говорят о погоде, которую нельзя изменить.

Алёна расписалась. Подпись вышла чужая, с наклоном вправо — рука сама вывела «А. Вересова» завитушками прежней хозяйки. Алёна посмотрела на неё со странным чувством. Как будто подписала договор не только с гильдией, но и с этим телом, с этим городом, с этой жизнью.

Писарь откланялся. Алёна закрыла за ним дверь и задержалась у окна.

На другой стороне улицы, под единственным фонарём, стояла чёрная лакированная карета с гербом на дверце. Лошади переминались на мокрой мостовой, выдыхая пар. Шторка в окне кареты была отодвинута, и оттуда на лавку — Алёна могла бы поклясться — кто-то смотрел. Блеснули стёкла пенсне в золотой оправе.

Писарь Пыжов, проходя мимо кареты, вдруг втянул голову в плечи и поклонился ей так низко, что чуть не уронил папку.

— Агафья, — негромко позвала Алёна, не отходя от окна. — Чья это карета?

Агафья подошла, выглянула из-за её плеча — и тут же отпрянула, словно обожглась.

— Господина Штраля, — прошептала она. — Главы гильдии. Барыня, отойдите от окна, ради Христа.

Шторка в карете медленно задёрнулась. Кучер щёлкнул кнутом, и карета, мягко покачиваясь, покатила прочь, растворяясь в темноте.

Алёна не отошла от окна, пока стук колёс не затих совсем.

«Не я один на эту лавку смотрю, — вспомнила она слова Сысоева. — Есть люди и посерьёзнее».

Три месяца. Триста империалов. Экзамен, который не сдала ни одна женщина, у экзаменатора, который, судя по всему, уже решил, чем этот экзамен закончится. И четыре серебряных рубля в жестяной коробке с облезлым драконом.

Алёна повернулась к Агафье.

— Завтра с рассветом, — сказала она, — мы открываем лавку.

— Барыня, да как же... да чем же... — Агафья обвела рукой пыльные полки. — Тут же всё старьё, порошки слежались, травы прелые...

— Значит, начнём с ревизии, — ответила Алёна. — Все полки, все ящики, все банки. Каждую.

Она взяла со стола свечу и подняла её повыше. Пламя дрогнуло, и по стене с латунными ручками заплясали тени, будто вся аптека разом проснулась и прислушалась.

— Но сначала, Агафья, мы вскипятим воду, — добавила Алёна. — Много воды. И найдём мыло. В этой лавке, кажется, никто не мыл руки со времён прошлого императора.

Где-то в глубине тёмных полок что-то звякнуло. Фосфор, сидевший на прилавке, насторожил уши и устался в угол, где стояли самые старые, самые запylённые банки, до которых Алёна ещё не добралась.

Кот глухо заворчал.

Из угла пахло вовсе не травами. Оттуда тянуло чем-то сладковатым, едва уловимым — запахом, который любой провизор узнал бы с закрытыми глазами. В порядочной аптеке так может пахнуть только одна склянка, запёртая в шкафу с ядами. А здесь этим запахом тянуло с открытой полки.

Пахло горьким миндалём.

Глава 3. Шкаф с ядами

Из «Аптекарского журнала» А. Вересовой: «Инвентаризация, день первый. Обнаружено: ртуть — много, мышьяк — много, мыло — ноль. Вывод: в этой аптеке травили не только мышей».

Свеча дрожала в руке, и Алёна поставила её на прилавок, чтобы не уронить.

Запах шёл из углового стеллажа, того самого, куда она ещё не заглядывала. Полки там были темнее остальных, банки — старше, этикетки — выцветшие до цвета чайной заварки. Фосфор сидел внизу, прижав уши, и гипнотизировал нижнюю полку, как сторож — подозрительного прохожего.

— Агафья, — сказала Алёна, не оборачиваясь, — принесите мне тряпку. Мокрую. И не подходите сюда.

— Это почему ж не подходить?

— Потому что я так прошу.

Агафья, к её чести, спорить не стала. Только вздохнула так, что колыхнулся язычок свечи, и ушла на кухню.

Алёна присела на корточки. На нижней полке, между банкой с толчёным мелом и мешочком с солодовым корнем, стояла небольшая склянка тёмно-зелёного стекла с притёртой пробкой. Пробка сидела криво, неплотно. Этикетка была надписана тем же мелким почерком Павла Ивановича: *Aqua Amygdalarum amararum*.

Горькоминдальная вода.

В её прошлой жизни этот препарат давно убрали из аптек. Здесь им, видимо, лечили кашель и бессонницу — по капле, по две. В нём содержалась синильная кислота, и потому место этой склянки было не на открытой полке рядом с мелом, а под замком, в отдельном шкафу, ключ от которого аптекарь носит при себе.

А пробка — пробка была сдвинута так, будто склянку открывали в спешке и закрывали чужие, неумелые руки.

Агафья вернулась с тряпкой. Алёна обмотала ладонь, вытащила склянку, плотно вдавила пробку на место и подняла её к свету. Жидкости было примерно на треть меньше, чем показывала полоска присохшего осадка на стекле.

— Агафья, — спросила она, — в лавке есть шкаф, который запирается?

— Как не быть. — Агафья указала подбородком на стену за прилавком. — Вон, железный, с крестом на дверце. Барин туда самое страшное прятал. Говорил: тут, Агафьюшка, смерть живёт, ты сюда руками не лезь.

Шкаф был железный, выкрашенный в чёрное, с белым крестом, нарисованным масляной краской. На дверце висел замок. Алёна подёргала его. Замок был открыт. Он просто висел на петле, изображая запёртость, как задремавший караульный.

Внутри стояли банки с мышьяком, сулемой, стрихнином и опиумом. Ровно, по линейке, этикетками наружу. Между банкой с опиумом и банкой со стрихнином зияло пустое место, а на полке в пыли отпечатался кружок — как раз размером с доньшко зелёной склянки.

— Барин замок запирал? — спросила Алёна.

— Всегда. Каждый вечер. Сам проверял, по два раза. — Агафья нахмурилась, глядя на открытый замок. — А как он слёг... Я ж в лавку и не ходила, барыня. Только в окошко покупателям говорила, что закрыто.

— А ключ где был?

— На шнурке. На шее у барина.

Алёна поставила склянку на её законное место, закрыла дверцу и защёлкнула замок. Ключа не было. Значит, теперь этот шкаф не откроет никто — ни она, ни тот, кто открывал его до неё. Пока не придётся звать слесаря.

«Кто-то был здесь после смерти Павла Ивановича, — подумала она. — Кто-то, у кого был ключ. Или кто умел обходиться без ключа. Кто-то искал что-то в конторке и вырвал листы из журнала. И кто-то открывал склянку с ядом».

Был ли это один и тот же человек? Зачем ему понадобилась горькоминдальная вода? И главное — куда делась треть склянки?

Вопросов становилось больше, чем ответов. А ответов пока не было ни одного.

— Барыня, — испуганно позвала Агафья, — вы чего так побелели-то? Опять голова?

— Голова, — согласилась Алёна. — Идёмте спать, Агафья. С рассветом начнём.

С рассветом начали.

Первым делом Алёна устроила то, что Агафья потом весь день называла «баней для склянок». Котёл кипел на кухне без перерыва. Банки, ступки, ложечки, весы, пестики, воронки — всё, что можно было вымыть, отмывалось горячей водой с золой, потому что мыла в доме действительно не нашлось ни кусочка.

— Барыня, — Агафья стояла над тазом с засученными рукавами и смотрела на Алёну с ужасом и почтением одновременно, — да зачем же склянки-то мыть? Они ж не грязные. Барин их просто тряпочкой обтирал.

— Агафья, вы бы стали есть кашу из горшка, в котором вчера варили клей?

— Тьфу на вас.

— Вот и лекарство не хочет лежать в банке, в которой вчера лежало другое лекарство. Оно от этого портится. И люди от него болеют.

Агафья задумалась над этим тезисом и, кажется, нашла его убедительным. Во всяком случае, следующую банку она скоблила с ожесточением человека, который лично мстит грязи за все годы её безнаказанности.

Потом пришёл черёд инвентаризации. Алёна села за прилавок с журналом и пером и шла по ящичкам слева направо, сверху вниз. Агафья подавала банки и мешочки, Алёна нюхала, растирала между пальцами, смотрела на свет и записывала.

Зверобой — годен. Ромашка — годна. Липовый цвет — отличный. Мята — выдохлась, на чай для Агафьи. Шалфей — годен. Корень валерианы — годен, Фосфор подтверждает: кот трижды пытался залезть в этот ящик и был трижды изгнан. Солодка — годна. Алтей — годен. Ивовая кора — целый мешок, сухая, хорошая.

— А это что? — Агафья протянула ящичек, из которого торчало что-то бурое и сморщенное.

Алёна осторожно понюхала. Потом ещё раз.

— Это, Агафья, было когда-то сушёными сливами. Лет пять назад.

— А зачем барину сливы?

— От запора, — сказала Алёна. — Видимо, запор у кого-то прошёл раньше, чем кончились сливы.

Агафья приснула в передник и тут же испуганно перекрестилась: смеяться в доме, где неделю назад был покойник, считалось грехом.

— Ничего, — тихо сказала Алёна. — Мне кажется, Павел Иванович бы не обиделся.

Она сама не знала, откуда это взялось. Но чем дольше она листала рецептурный журнал, тем яснее видела человека, который его вёл. Аккуратного. Упрямого. Влюблённого в своё дело. Человека, который записывал на полях, что мальчику сапожника помогло, а купчихе Ереминой

— нет, и честно пробовал для неё другое средство. Ошибавшегося так, как ошибались все аптекари его времени, и всё-таки честного.

Такого человека нелегко было представить должником, который пустил три тысячи рублей неизвестно на что.

К полудню на прилавке выросли три кучки.

Первая — «годное»: травы, коренья, мел, сода, уксус, спирт в большой оплетённой бутылки, несколько банок хорошего воска, свиное сало для мазей.

Вторая — «под замок»: ртуть во всех видах, мышьяк, сулема, свинцовый сахар, стрихнин. Эту кучку Алёна сложила в ящик и попросила Агафью отнести наверх, в чулан, и запереть на щеколду, пока не найдётся ключ от железного шкафа.

Третья — «вон»: пилюли от всего, порошки неизвестного состава, прогорклое масло, плесневелый корень и бывшие сливы.

— Это ж добро! — ахнула Агафья, увидев, что Алёна сгребает третью кучку в мешок. — Барин за эти пилюли по двугривенному брал!

— Барин, — сказала Алёна, — не знал того, что знаю я.

— А что вы знаете, барыня?

Алёна помолчала. Как объяснить женщине, которая не слышала слова «микроб», что в этих пилюлях лежала ртуть, от которой выпадают зубы и дрожат руки? Что купчихи, бравшие их «от всего», брали себе ещё одну болезнь?

— Я знаю, — сказала она наконец, — что от этих пилюль люди болели сильнее. Я видела такое... у себя дома. До замужества.

— У батюшки вашего? — понимающе кивнула Агафья. — Он ведь, говорят, по лекарской части был. Помер от холеры, царствие ему небесное.

«Спасибо, Агафья», — подумала Алёна. Ещё одна деталь в биографию той, чьё тело она теперь носила. Отец по лекарской части. Значит, у прежней Алёны мог быть повод знать о травах больше, чем положено барышне. Хорошая легенда. Пригодится.

— Да, — сказала она. — У батюшки.

Агафья вздохнула, но мешок у порога больше не трогала.

Под вечер Алёна позволила себе то, о чём мечтала весь день.

Она нагрела воды — много, два ведра, — притащила в заднюю комнату деревянное корыто и вымылась целиком, с ног до головы, тщательно, золой и остатками щёлока, которые нашлись у Агафьи для стирки. Кожа после этого скрипела, волосы стали как пакля, но Алёна впервые за три дня почувствовала себя человеком.

— Мыло нам нужно, — сказала она, расчёсывая мокрые волосы у печки. — Своё. Хорошее. С травами.

— Мыло у Прохорова продают, в мелочной лавке, — заметила Агафья, раскладывая по тарелкам гречневую кашу. — Чёрное, на дёгте. По три копейки кусок. А для господ привозное, французское, по полтине. Только кто ж его купит, по полтине-то?

— А если не по полтине? А по пятнадцать копеек? И не дёгтем пахнет, а лавандой?

Агафья задумалась. На её лице отразилась сложная работа — так, вероятно, выглядел Ломоносов, открывая закон сохранения вещества.

— Купчихи бы взяли, — признала она. — И поповны. И чиновницы. Да что там — я бы сама взяла. Раз в год. На Пасху.

Алёна улыбнулась и взяла с полки рецептурный журнал. На чистом листе в конце, после вырванных страниц, она старательно, чужим почерком с завитушками, вывела заголовок.

«Аптекарский журнал А. Вересовой».

Ниже, подумав, записала первую строку. Про ртуть, мышьяк и мыло.

Она дописывала вторую, когда с улицы донёсся отчаянный, срывающийся женский крик. Потом — топот по деревянным мосткам. И в дверь лавки забарабанили так, что звякнули склянки на полке.

— Аптекарь! Аптекарь, Христа ради! Откройте!

Агафья выронила ложку.

— Дуняша это, — прошептала она. — Прачка, через два дома живёт. Барыня, у неё ж сынок...

Алёна уже бежала к двери. Отодвинула засов, распахнула — и на неё в сырую ночь буквально упала молодая растрёпанная женщина с ребёнком на руках.

Мальчику было лет пять. Он был горячий, как печка, бледный до синевы вокруг губ и не плакал — только тихо, страшно поскуливал. На его рубашонке темнели пятна рвоты.

— Помогите, — выдохнула Дуняша. — Барин-то помер, я знаю, да больше идти некуда... Доктор Брюсов не открыл, сказал, ночью к простым не ходит... Петенька с обеда горит, рвёт его, живот держит... Помирает он у меня, барыня, помирает!

Алёна взяла мальчика на руки. Он оказался неожиданно лёгким, почти невесомым, и обжигал даже сквозь рубашку.

Никаких анализов. Никаких аппаратов. Никакой скорой. Только свеча, пыльная лавка, котёл с кипятком и её собственная голова.

«Ну что, провизор с четырнадцатилетним стажем, — сказала себе Алёна. — Вот теперь начинается настоящая работа».

— Агафья, — сказала она очень спокойно, — кипятите воду. Всю, что есть. Дуняша, садитесь. И рассказывайте мне всё, что ваш сын ел и пил сегодня. Всё. До последней крошки.

Глава 4. Медный таз

Из «Аптекарского журнала» А. Вересовой: «Правило первое: мать всегда говорит “горит”. Правило второе: проверь сам. Правило третье: спроси, что ребёнок ел, а потом спроси ещё раз — про то, о чём мать забыла».

Петю уложили на прилавок, застеленный чистой простынёй. Другого стола, достаточно высокого и широкого, в лавке не было, а наверх по крутой лестнице нести ребёнка Алёна не решилась.

Свечи Агафья зажгла все — и сальные, и неприкосновенные восковые. Лавка наполнилась жёлтым светом, и пыльные банки на полках заблестели, будто приготовились смотреть представление.

Алёна положила ладонь мальчику на лоб. Потом — на шею, под затылок. Потом — на живот, осторожно, кончиками пальцев. Петя дёрнулся и захныкал.

Лоб был тёплый. Влажный от слёз и пота. Но не огненный.

— Он горит, — повторила Дуняша, стискивая руки. — С обеда горит.

— Он плачет с обеда, — мягко поправила Алёна. — И его рвёт с обеда. От этого щёки красные и лоб мокрый. Но жара у него, Дуняша, почти нет. Это хорошо.

Она сама не знала, хорошо ли это. Высокая температура указывала бы хоть на инфекцию — понятную, привычную. Без неё становилось сложнее.

Губы у мальчика были сухие, потрескавшиеся. Язык — обложенный. Кожа на руке, если собрать её в складку, расправлялась медленно, нехотя. Обезвоживание, отметила Алёна. Средней степени. Пятилетнему ребёнку много не надо.

— Сколько раз его вырвало?

— Да не считала я! — Дуняша всхлипнула. — Раз пять. Или шесть. И понос был. И за живот держится, всё кричит — жжёт, мамка, жжёт.

Алёна наклонилась над рубашкой мальчика и всмотрелась в пятна. При свете свечей они выглядели почти бурыми. Но по краям — она поднесла свечу ближе — по краям влажная ткань отливала странным оттенком. Не жёлтым. Не красным.

Зеленоватым.

— Дуняша, — сказала Алёна, и голос её стал другим, собранным, как на утренней планёрке. — Что он ел сегодня?

— Да что все едят! Кашу утром. Хлеба кусок. Щи в обед, постные.

— А вы ели те же щи?

— Ели. И я, и свекровь.

— И с вами всё хорошо?

— Слава Богу.

Значит, не щи. Не каша. Не хлеб.

— Что ещё? Пряник? Яблоко? Леденец на ярмарке?

— Нет, барыня. Откуда у нас пряники...

— Пил что? Воду откуда?

— Из колодца. Мы все из колодца пьём.

Алёна выпрямилась. В голове щёлкали варианты, как бусины на старых счётах. Не отравление общей едой — взрослые здоровы. Не холера — не та картина, и рвота не похожа. Не аппендицит — живот болит везде, а не справа внизу, и мягкий. Жар слабый. Рвота зеленоватая. Жжёт.

«Жжёт, — повторила она про себя. — Химия. Это химия, а не микробы».

— Дуняша. Вспомните. Он что-нибудь брал сам? Без спросу?

Дуняша открыла рот, закрыла его, и на её лице медленно проступило что-то виноватое.

— Варенье, — прошептала она. — Я ж вчера брусничное варила. Барыне Колесниковой, на заказ, она мне бруснику дала, сахар дала... Варенье в тазу на ночь остудиться поставила, чтоб утром в банки разлить. А утром некогда было, бельё понесла... А он, озорник, верно, и залез. Губы были красные, я ещё ругала...

— В каком тазу? — спросила Алёна.

— Как в каком? В медном. В каком же ещё варенье варят. Он у нас от бабки остался, старый, но хороший.

— Чистый?

Дуняша покраснела.

— Да как сказать... Он изнутри позеленел маленько. По краям. Так он всегда зеленеет, барыня, от сырости. Я его песком тру, когда время есть.

Алёна прикрыла глаза. Картина сложилась вся сразу — так, как складывается правильный ответ на экзамене, когда ты вдруг перестаёшь гадать и просто знаешь.

Медный таз. Зелёный налёт — ярь-медянка. Кислая брусника, простоявшая в нём ночь. Кислота растворила медь, варенье впитало её. Взрослые варенья не ели — оно было на заказ. А пятилетний мальчишка залез в таз ложкой. Или пальцами. Много раз.

Отравление солями меди. Рвота — организм выбрасывает яд сам. Зеленоватый оттенок. Жжение в животе. Понос.

Это было страшно. Но это было понятно. А с понятным можно работать.

— Агафья! — крикнула Алёна в сторону кухни. — Яйца есть?

— Есть! Пять штук!

— Несите все. И кипяток в чистом кувшине. И соль. И сахар, если есть хоть щепоть.

Дальнейшее Агафья потом рассказывала соседкам целую неделю, и каждый раз рассказ становился немного длиннее и чудеснее. Но на самом деле всё было просто.

Алёна разбила яйца, отделила белки и взбила их в кружке с холодной кипячёной водой. Белок связывает медь, вспомнила она давнюю лекцию по токсикологии — и благословила про себя седого профессора, который заставлял их зубрить антидоты прошлых веков «на случай, если окажетесь на необитаемом острове».

Необитаемый остров у неё получился, прямо скажем, с подвохом. Но антидот пригодился.

— Пей, Петенька, — сказала она, приподнимая мальчику голову. — По глоточку. Это как кисель. Невкусный кисель, честно тебе скажу. Но волшебный.

— Не хочу, — прохныкал Петя.

— Знаю, что не хочешь. А ты пей и смотри на кота.

Фосфор, будто поняв, что его позвали в ассистенты, запрыгнул на прилавок, сел рядом с мальчиком и принялся умываться с таким невозмутимым видом, словно лечить детей по ночам было его постоянной работой. Петя скосил на него глаза, отвлёкся и сделал глоток. Потом второй.

Его снова вырвало. Алёна держала его над тазом — обычным, деревянным, — и гладила по спине.

— Хорошо, — повторяла она. — Это хорошо. Пусть выходит. Плохое выходит, хорошее останется.

Потом пришла очередь воды. Тёплой, кипячёной, с солью и сахаром — по чайной ложечке, каждые несколько минут. Ровно столько, чтобы желудок не успел взбунтоваться. Алёна высчитывала пропорции на глаз, по памяти: щепоть соли, ложка сахара на кружку. Не идеально. Но лучше, чем ничего.

— Барыня, — шёпотом спросила Агафья, стоя с кувшином наготове, — а соль-то зачем? Он и так весь вышел, бедняга, нешто его солить?

— Затем, Агафья, — так же шёпотом ответила Алёна, — что вместе с водой из него вышла и соль. Если поить его пустой водой, он не напьётся. А с солью вода задержится. Как в пересолённой каше — пить хочется, но вода не утекает.

Агафья переварила эту мысль, посмотрела на Алёну с новым уважением и стала подавать кружку по первому кивку, не дожидаясь просьб.

Дуняша сидела на табурете у стены и шевелила губами — молилась. Время от времени она вскакивала, подходила к прилавку, гладила сына по волосам и снова садилась.

К полуночи рвота прекратилась. К часу ночи Петя перестал скулить. В два он попросил ещё «невкусного киселя» и, не допив, уснул, обняв одной рукой Фосфора. Кот стерпел это с христианским смирением.

Алёна села на ступеньку лестницы. Ноги дрожали. Руки пахли яйцом, солью и чужими слезами. В спине поселилась тупая боль, как после двенадцатичасовой смены. Тело прежней Алёны Вересовой не привыкло к таким ночам.

— Живой, — прошептала Дуняша, глядя на спящего сына. — Живой, барыня.

— Живой, — согласилась Алёна. — Поите его так же ещё сутки. Понемногу и часто. Варенье, которое осталось, — вылейте. Всё. Не жалейте. А таз...

— Выкину, — истово сказала Дуняша. — Завтра же выкину, проклятый.

— Не надо выкидывать. — Алёна покачала головой. — Медь — хорошая вещь. Просто прежде чем варить в нём что-то кислое, его надо вычистить до блеска. Чтобы ни одного зелёного пятнышка. И ничего в нём на ночь не оставлять. Сварили — сразу в глиняную посуду.

— А ежели оставить?

— Тогда медь уйдёт в варенье. А из варенья — в того, кто его съест.

Дуняша медленно перекрестилась. Похоже, до неё только сейчас дошло, что могло случиться не с одним Петей. Что банки с этим вареньем завтра должны были стоять на столе у барыни Колесниковой. И у её детей.

— А ведь у Колесниковой трое, — прошептала она.

— Значит, сегодня вы спасли не одного ребёнка, а четверых, — сказала Алёна. — Потому что пришли сюда, а не стали ждать утра.

Дуняша вдруг сползла с табурета на колени и поймала её руку.

— Барыня... матушка... Я ж вам заплатить не могу. Ни копейки нет. Хоть бельё вам стирать буду. Всю зиму. Даром. Хоть до самой смерти!

— Встаньте, Дуняша, ради Бога. — Алёна подняла её с неожиданной для себя силой. — Не надо мне до смерти. Мне надо, чтобы вы утром рассказали соседям одну вещь.

— Какую?

— Что аптека Вересова снова открыта.

Дуняша рассказала.

Она рассказала соседям, соседкам, прачкам на реке, бабам у колодца, торговкам на рынке и, кажется, даже лошади водовоза. К обеду следующего дня вся Заречная улица знала, что молодая вдова Вересова «отмолила» Дуняшиного Петьку, что лечила она его «колдовским киселём из яиц» и что сама она, хоть и бледная, как мел, после горячки, но «глазищами смотрит так, что насквозь видит».

К вечеру слухи разрослись. Говорили, что Петенька уже не дышал. Что вдова положила на него руки — и он открыл глаза. Что в лавке ночью светилось, как в церкви на Пасху. Что рыжий аптекарский кот — на самом деле не кот.

— Не кот, а кто? — спросила Алёна, когда Агафья, покрасневшая от гордости, вывалила на неё всё это за ужином.

— А это уж кто как говорит, — уклончиво ответила Агафья. — Лукерья говорит — ангел-хранитель. А Прохоров из мелочной — что бес.

Фосфор, вылизывавший под столом сметанную миску, на мгновение поднял голову, словно хотел уточнить, кто именно оклеветал его в мелочной лавке.

Алёна рассмеялась впервые за всё это время. Громко, от души, так, что Агафья сперва испуганно оглянулась на иконы, а потом засмеялась тоже.

Колокольчик над дверью звякнул.

Не тревожно, как ночью. А обычно, буднично. Как звякает колокольчик в любой аптеке мира, когда входит покупатель.

На пороге стояла женщина в тёплом платке, прижимавшая к груди узелок.

— Здесь лечат? — робко спросила она. — Мне бы... от горла. Для мужа. Мне Дуняша сказала, к вам надо.

За её спиной, на мокрых мостках, переминались ещё двое.

Алёна встала, вытерла руки о передник и шагнула к прилавку.

— Здесь лечат, — сказала она. — Проходите. Рассказывайте.

Это была первая продажа аптеки Вересовой после смерти её хозяина. Гривенник за сбор шалфея и ромашки для полоскания.

Алёна положила монетку в жестяную коробку с облезлым драконом. Монетка звякнула о четыре серебряных рубля.

До трёх тысяч оставалось две тысячи девятьсот девяносто пять рублей и девяносто копеек.

Глава 5. Доктор Брюсов

Из «Аптекарского журнала» А. Вересовой: «Местная медицина стоит на трёх китах: кровопускание, ртуть и уверенность. Первые два можно отобрать. С третьим будет сложнее».

Через три дня Алёна поняла, что слава — штука утомительная.

С утра до вечера колокольчик над дверью звенел, не умолкая. Приходили прачки с потрескавшимися от щёлока руками, извозчики с кашлем, купеческие кухарки с ожогами, старушки «просто поглядеть на вдову, что Петьку отмолила». Половина посетителей ничего не покупала. Зато вторая половина покупала то, на что у Алёны хватало сырья: травяные сборы от кашля, полоскания для горла, мазь на воске и свином сале для обветренных рук.

Лучше всего расходилась мазь. Алёна сварила первую партию в кастрюльке на кухне, добавив ромашку и чуточку лавандового масла, найденного в дальнем углу шкафа. Пахло так, что Агафья ходила вокруг кастрюли кругами и шумно вздыхала.

— Барыня, ну это ж не лекарство. Это ж... это ж как у господ на балу пахнет.

— Это и лекарство, и как на балу, — сказала Алёна, разливая мазь в маленькие баночки. — Одно другому не мешает.

Баночки разлетелись за два дня по десять копеек. В жестяной коробке с драконом медяки и серебро звякали всё чаще. Алёна каждый вечер пересчитывала выручку при свече и записывала в журнал. Шесть рублей двадцать копеек за три дня. Капля в море. Но — капля, которая падала каждый день.

И вместе с покупателями в лавку тек ручеек сведений. Алёна слушала, кивала и задавала вопросы — осторожно, будто между делом. За три дня она узнала о Велиграде больше, чем могла бы узнать из любой книги.

Губернатор — князь Лопухин, старый, добрый и подслеповатый. Всеми делами в городе заправляет его супруга, княгиня Софья Андреевна, которая устраивает лучшие балы в губернии и терпеть не может скуку.

Гарнизон стоит за рекой, в казармах на Острожной. После того как генерал Северский вернулся с границы, солдаты ходят по струнке, а офицеры перестали играть в карты по кабакам.

Маги-целители в Велиграде есть, но мало: старая графиня Зотова, которая лечит только родню, и молодой барон Остен, который берёт за визит десять рублей и приезжает, когда ему вздумается.

А для всех остальных есть доктор Брюсов.

— Аристарх Львович — учёный, — говорили о нём с уважением. — Из столицы, из академии. Кровь пускает — лучше всех в губернии. Рука лёгкая.

— Строгий он, — добавляли с опаской. — Простых не любит. И аптекарей не любит, ежели те поперёк него лечат.

Алёна слушала и всё больше понимала: встреча с доктором Брюсовым неизбежна. Вопрос был только в том, когда и где.

Ответ пришёл в четверг, около полудня.

Колокольчик звякнул резче обычного. Очередь у прилавка — три бабы, дьячок с больным зубом и мальчишка-посыльный — вдруг расступилась, как вода перед носом лодки.

В лавку вошёл высокий худой мужчина лет пятидесяти пяти в длинном чёрном сюртуке и цилиндре. Лицо у него было узкое, с впалыми щеками и глубокими складками у рта. Седые бакенбарды. Очки в стальной оправе. В руке — трость с костяным набалдашником в форме свиной головы.

Он не снял цилиндра. Он оглядел лавку — вымытые полки, отчищенные банки, новые бумажные этикетки, написанные круглым, разборчивым почерком, — и брови его поползли вверх.

— Вы, стало быть, вдова Вересова, — сказал он. Не спросил — констатировал.

— Я, — сказала Алёна. — Чем могу служить?

— Служить? — Губы доктора искривились. — Вы уже послужили, сударыня. На всю улицу. Мне донесли, что вы занимаетесь врачеванием. Лечите детей. Ставите диагнозы. Назначаете лечение.

— Я продаю лекарства, — спокойно сказала Алёна. — Это аптека.

— Аптека, сударыня, существует для того, чтобы отпускать лекарства по рецепту врача. А не для того, чтобы вдова, ничему не учившаяся, поила умирающего ребёнка сырыми яйцами вместо того, чтобы немедленно пустить ему кровь!

Последнюю фразу он почти выкрикнул. Дьячок с больным зубом испуганно попятился к двери. Бабы, наоборот, придвинулись ближе — такого представления на Заречной не видели давно.

Алёна разозлилась. Не испугалась — именно разозлилась, той профессиональной злостью, с которой она когда-то спорила с заведующей, запрещавшей проверять сроки годности, «потому что так всегда было».

— Доктор, — сказала она. — Позвольте спросить. Почему вы не пришли к этому ребёнку сами? Его мать стучала к вам ночью. Вы не открыли.

Брюсов на мгновение запнулся. Только на мгновение.

— Я не обязан бегать по ночам к каждой прачке, у которой ребёнок объелся. На то есть утро и приёмные часы. — Он выпрямился. — Но это не даёт вам права подменять врача.

— Мальчик отравился медью, — сказала Алёна. — Ярью-медянкой из таза, в котором ночь простояло варенье. Кровопускание бы его убило. Он и так потерял много жидкости.

В лавке стало очень тихо.

Брюсов смотрел на неё долго, не мигая. За стёклами очков его глаза казались больше, чем были на самом деле, — светло-серые, усталые и упрямые.

— Медью, — медленно повторил он. — Откуда вам это известно?

— Рвота была зеленоватая. Мальчик ел варенье из медного таза. Сложить два и два не трудно.

— И вы, конечно, знаете противоядие.

— Яичный белок. Он связывает медь. Это описано ещё у... — Алёна вовремя прикусила язык. Она чуть было не назвала учебник, который выйдет лет через сто. — ...у старых авторов.

— У каких именно?

— Мой отец был лекарем, — сказала Алёна, вспомнив подаренную Агафьей легенду. — Я многое знаю с его слов.

— Ваш отец, — с ледяной вежливостью произнёс Брюсов, — если он был лекарем, должен был объяснить вам, что болезнь есть нарушение равновесия жидкостей в теле. Что излишек крови и дурных соков надлежит выводить. Кровопусканием. Рвотными. Слабительными. Ртутью, которая очищает. А всё прочее — суеверия и бабьи сказки. Сказки, сударыня, от которых умирают.

Он говорил без насмешки. Без злобы. Он говорил так, как говорят о вещах, в которых совершенно уверены, — как священник о Символе веры.

И Алёна вдруг с поразительной ясностью поняла: этот человек не шарлатан. Он не обманывает. Он искренне верит, что кровопускание спасает жизни. Он учился этому в столичной академии, у лучших профессоров своего времени. Он, наверное, честно пустил кровь сотням людей — и честно оплакал тех, кто умер.

С шарлатаном она хотя бы знала бы, что делать.

— Доктор, — сказала она тише. — Вы ведь лечили моего мужа.

Брюсов чуть заметно вздрогнул.

— Лечил.

— От чего он умер?

— Желудочная горячка. Холерина. — Голос доктора стал суше, официальнее. — Неукротимая рвота, кровавый понос, жажда, судороги в икрах. Я сделал всё, что предписывает наука. Трижды пускал кровь. Давал каломель. Он угас на третий день. Такое бывает, сударыня. Бог дал, Бог взял.

Алёна молча запоминала каждое слово. Рвота. Понос. Жажда. Судороги в икрах. Три дня. В голове что-то шевельнулось — смутное, неоформленное, как силуэт за запотевшим стеклом. Но доктор уже продолжал.

— Я пришёл предупредить вас, Алёна Дмитриевна. По-хорошему. — Он постучал тростью об пол, и совиная голова сверкнула белыми костяными глазами. — Прекратите лечить. Отпускайте лекарства, раз уж гильдия дозволила вам три месяца держать лавку. Но если я ещё раз услышу, что вы пользуете больных без врача, я напишу во Врачебную управу. И в гильдию. Господину Штралю.

— А если я снова спасу ребёнка, которому вы не открыли дверь?

— Значит, вам повезёт ещё раз, — сказал Брюсов. — Везение, сударыня, — не наука. Однажды оно кончится. И тогда умрёт тот, кого можно было спасти.

Он развернулся и пошёл к двери. На пороге остановился, оглянулся на вымытые банки, на ряды новых этикеток, на дымящуюся кастрюльку с мазью у печки, видную через открытую дверь в заднюю комнату.

— Склянки вы, однако, моете, — сказал он непонятным тоном. — Зачем?

— Чтобы лекарства не портились.

Брюсов хмыкнул — то ли презрительно, то ли озадаченно — и вышел. Колокольчик звякнул ему вслед.

После его ухода очередь молчала целую минуту. Потом дьячок с больным зубом робко подошёл к прилавку.

— Мне бы, матушка, от зуба, — сказал он. — Только вы не сказывайте доктору, что я у вас был. А то ведь он и мне кровь пустит. Из зуба.

Бабы засмеялись. Напряжение лопнуло, как мыльный пузырь, и очередь снова зашумела, задвигалась, заговорила разом.

Но вечером, закрыв лавку и отпустив Агафью спать, Алёна долго сидела над журналом при одной свече.

Она выписала на чистый лист то, что сказал Брюсов о смерти Павла Ивановича. Слово в слово, пока не забыла.

Неукротимая рвота. Кровавый понос. Сильная жажда. Судороги в икрах. Смерть на третий день.

Холерина. Желудочная горячка. Возможно. Холера, после того как двенадцать лет назад прошла по всей России, нет-нет да и вспыхивала в губернских городах — летом, в жару.

Но холера приходит не одна. Она косит улицами, кварталами, семьями. А в доме Вересовых не заболел никто, кроме хозяина. Ни Агафья, которая ухаживала за ним. Ни молодая жена.

И стояла поздняя осень. Не лето.

Алёна посмотрела на запёртую дверь чулана, где в ящике лежали банки «под замок». Там, рядом со ртутью и стрихнином, стояла пузатая склянка с белым порошком, на этикетке которой было выведено: *Arsenicum album*.

Мышьяк. Без вкуса. Без запаха. Растворяется в супе, в чае, в вине. Симптомы при остром отравлении — неукротимая рвота, понос, мучительная жажда, судороги в икрах. Смерть через один-три дня. Её путали с холерой столько раз, что в учебниках истории фармации об этом писали целые главы.

Алёна медленно закрыла журнал.

«Не спеши, — сказала она себе. — Ты не видела больного. Ты не видела анализов. Ты не знаешь, что он ел, с кем говорил, кому был должен. Брюсов мог ошибиться в диагнозе, а мог и не ошибиться. Холерина бывает и осенью. У тебя есть только совпадение симптомов. Совпадение — не доказательство».

Но ящик для странностей в её голове вдруг перестал быть просто ящиком. Он стал похож на папку с делом. На корешке которой кто-то невидимый вывел аккуратным аптекарским почерком: *Павел Иванович Вересов. Причина смерти — ?*

Фосфор вспрыгнул на стол, прошёлся по журналу, оставляя на обложке пыльные следы лап, и улёгся прямо на исписанный лист, будто охраняя его.

— Ты что-то знаешь, — тихо сказала ему Алёна. — Ты ведь был здесь. Всё видел.

Кот зажмурился и замурлыкал. Свидетель из него был никудышный.

Наутро её разбудил не колокольчик, а Агафья. Она влетела в спальню без стука, в одной рубахе и съехавшем набок чепце, и прошептала так, будто в доме был пожар:

— Барыня! Вставайте! Одевайтесь! Скорей!

— Что случилось? — Алёна села на постели. — Опять ребёнок?

— Хуже! — Агафья всплеснула руками. — Карета! У нашего крыльца! Та самая, с гербом! И он — он сам из неё выходит! Господин Штраль!

Глава 6. Человек в золотом пенсне

Из «Аптекарского журнала» А. Вересовой: «Опасные посетители бывают двух видов: те, кто кричит, и те, кто улыбается. От первых помогает валерьянка. От вторых — только хорошая память».

Одеться за три минуты в платье, которое застёгивается на двадцать пуговиц сзади, оказалось задачей посложнее, чем вылечить отравление медью.

Агафья сражалась с пуговицами, бормоча молитвы и проклятия попеременно. Алёна наскоро скрутила волосы в узел, заколола шпильками и посмотрела в зеркальце. Чёрное вдовье платье, бледное лицо, круги под глазами. Не красавица. Но и не мышь.

— Пусть подождёт, — сказала она, — это полезно. Нам с вами, Агафья, нужно три минуты. Ему — урок.

— Какой урок, барыня? — ужаснулась Агафья. — Это ж Штраль! Его сам губернатор принимает!

— Вот пусть и поймёт, что здесь не губернатор.

Она спустилась по лестнице медленно, придерживая юбку. Не потому, что хотела произвести впечатление — просто голова ещё кружилась по утрам, и падать к ногам главы гильдии в её планы не входило.

Он ждал у прилавка. Стоял спиной к ней, заложив руки за спину, и разглядывал полки — так, как разглядывают картины в чужом доме, прикидывая их цену.

Корнелий Августович Штраль оказался совсем не таким, каким Алёна его себе представляла. Она ждала толстого, напыщенного купца вроде Сысоева. А перед ней стоял подтянутый, сидящий мужчина лет пятидесяти, в превосходно сшитом сером сюртуке, с тонкими холёными руками и аккуратной бородкой клинышком. На носу у него поблёскивало золотое пенсне. От него пахло дорогим одеколоном — бергамот и что-то пряное, — и этот запах казался в аптеке чужим, как бальное платье на сенокосе.

— Алёна Дмитриевна, — он обернулся и коротко, безупречно поклонился. — Простите за ранний визит. Дела гильдии не терпят отлагательств. Позвольте выразить вам моё глубочайшее соболезнование. Павел Иванович был... человеком науки.

Он сделал крошечную паузу перед последними словами, будто подбирал выражение помягче, чем «чудак».

— Благодарю, Корнелий Августович, — сказала Алёна. — Чаю?

— Не беспокойтесь. Я ненадолго.

Он снова оглядел лавку. Взгляд скользнул по рядам вымытых банок, по новым этикеткам, по железному шкафу с белым крестом. На шкафу взгляд задержался. Совсем ненадолго — на полсекунды. Потом вернулся к Алёне.

— Вижу, вы тут потрудились, — сказал он. — Похвально. Весь город говорит о вашем... усердии. Доктор Брюсов вчера был у меня вечером. Весьма взволнован.

— Доктор Брюсов легко волнуется, — сказала Алёна.

Штраль улыбнулся. Улыбка у него была хорошая — открытая, тёплая, с ямочками на щеках. Только глаза за стёклами пенсне не улыбались совсем. Они смотрели внимательно и спокойно, как смотрит ювелир на камень, решая, стоит ли его покупать.

— Позвольте говорить откровенно, Алёна Дмитриевна. Мы оба люди деловые, хоть вы и... — он чуть развёл руками, — молодые. Ваше положение мне известно. Долг купцу Сысоеву — триста имперялов. Испытание в гильдии — через три месяца. Наличных денег, насколько я могу судить, нет. Родни нет. Покровителей нет.

— Вы хорошо осведомлены.

— Это моя обязанность. — Он слегка наклонил голову. — Я пришёл предложить вам выход. Гильдия готова выкупить лавку. Со всем товаром, оборудованием, рецептурными книгами и правом торговли. Двести империалов. Сверх того, гильдия берёт на себя ваш долг Сысоеву. Целиком.

Агафья, стоявшая в дверях задней комнаты, тихонько охнула.

Алёна быстро посчитала в уме. Двести империалов — две тысячи рублей. Плюс три тысячи долга Сысоеву. Итого пять тысяч рублей за лавку, которую Сысоев оценивал в «три тысячи и полсотни сверху».

Это было щедро. Слишком щедро.

— Зачем гильдии моя лавка? — спросила она.

— Место хорошее, — легко ответил Штраль. — Угол у рынка, две улицы. Гильдия давно хотела открыть здесь образцовую аптеку. Под своим началом.

— У гильдии нет денег на образцовую аптеку в другом месте?

— Есть. Но здесь удобнее. — Улыбка не дрогнула. — К тому же, Алёна Дмитриевна, буду честен: я делаю это и ради памяти Павла Ивановича. Мы с ним... не всегда сходились во взглядах. Но он был членом гильдии пятнадцать лет. Мне невыносима мысль, что его вдову выставят на улицу приставы.

«Красиво говорит, — подумала Алёна. — Слишком красиво. И слишком быстро. Человек, которому невыносима мысль о моей бедности, пришёл бы с этим предложением на похороны. А он пришёл через неделю, после того как я начала мыть склянки и продавать мазь».

— А если я откажусь?

— Откажетесь? — Штраль приподнял брови, будто она сказала что-то забавное. — Вы, конечно, вправе. Тогда вам придётся держать испытание. Я буду вашим экзаменатором, Алёна Дмитриевна. И мне, как главе гильдии, придётся быть строгим. Очень строгим. Латынь. Фармакопея. Составление лекарств по рецептуре. Опыты с веществами. Отвечать придётся перед комиссией из пяти аптекарей с многолетним стажем. — Он развёл руками. — Я не знаю, где вы могли бы всему этому научиться за три месяца. Даже если ваш батюшка был лекарем.

Значит, о батюшке он тоже знает. Значит, Брюсов пересказал ему разговор слово в слово.

— Кроме того, — мягко продолжил Штраль, — вам ведь понадобится сырьё. Травы, масла, спирт, склянки. Поставщики в нашей губернии, видите ли, связаны с гильдией договорами. Торговать с аптекарем, у которого нет права торговли... это, знаете ли, риск для них. Я не уверен, что они захотят рисковать.

— У меня есть право торговли. На три месяца.

— Временное право, — уточнил Штраль. — Временное. Деловые люди не любят временного.

Он снял с прилавка перчатки, которые положил туда, входя, и начал не спеша их натягивать — палец за пальцем.

— Подумайте, Алёна Дмитриевна. Я не тороплю. Предложение гильдии действует... ну, скажем, до конца месяца. Потом, боюсь, условия станут хуже.

— Корнелий Августович, — сказала Алёна, — позвольте и мне вопрос. Мой муж весной занял у Сысоева три тысячи рублей. «На закупку материалов». Вы не знаете, что он собирался закупать?

Пальцы Штраля на мгновение остановились над перчаткой. Потом снова задвигались — ровно, неторопливо.

— Павел Иванович был мечтателем, — сказал он. — Он носился с какими-то идеями. Лаборатория, новые способы очистки лекарств, немецкие журналы... Тратил на это всё, что имел. Я его предупреждал. — Он застегнул последнюю пуговку перчатки. — К несчастью, мечтатели редко умеют считать. Надеюсь, вы не унаследовали этой его черты.

— А ещё, — сказала Алёна, — я нашла в лавке открытым шкаф с ядами. Замок висел на петле. Не знаете, у кого ещё мог быть ключ?

Наступила пауза. Короткая, в полвздоха. Но Алёна, четырнадцать лет проработавшая у кассы и научившаяся замечать, когда покупатель врёт про «потерянный рецепт», её заметила.

— Ключ? — Штраль посмотрел на неё с лёгким удивлением. — Понятия не имею, Алёна Дмитриевна. Павел Иванович был небрежен в некоторых вещах. Возможно, он сам забыл запечатать шкаф перед болезнью. — Он помолчал. — И позвольте дать вам совет, по-отечески. Не ищите в бумагах мужа того, чего там нет. Горе часто заставляет вдов видеть заговоры там, где была просто болезнь. Это... не идёт на пользу ни сердцу, ни репутации.

Он поклонился — ровно настолько, насколько требовала вежливость, ни на волос ниже, — и направился к двери.

У порога он задержался и, не оборачиваясь, добавил:

— И ещё, Алёна Дмитриевна. Не пытайтесь лечить. Доктор Брюсов — человек принципиальный. Если он напишет во Врачебную управу, никакое временное право вас не спасёт. Лавку закроют в тот же день. И тогда предложение гильдии вам уже не понадобится. Его просто будет некому делать.

Колокольчик звякнул. Карета с гербом отъехала от крыльца, мягко покачиваясь на рессорах.

Агафья опустила на табурет у печки и долго сидела молча, теребя передник.

— Двести империялов, барыня, — сказала она наконец. — И долг — долой. Это ж... это ж деньжищи какие. Вы б себе домик купили. Маленький. В слободе. И жили б спокойно.

— Я знаю, Агафья.

— Так может...

— Нет.

Агафья вздохнула. Не возмущённо — просто устало, как вздыхают пожилые люди, видевшие слишком много гордых молодых, которые потом пожалели о своей гордости.

— Почему, барыня?

Алёна долго не отвечала. Она стояла у окна и смотрела на мокрую улицу, где колея от кареты Штраля уже наполнялась водой.

Как объяснить? Что человек, который предлагает за лавку пять тысяч, когда она стоит три, хочет купить не лавку, а что-то, что в ней лежит? Что он посмотрел на шкаф с ядами прежде, чем на неё? Что он запнулся, услышав про ключ? Что он посоветовал ей «не искать в бумагах мужа» — хотя она ни словом не обмолвилась, что ищет?

— Потому что он слишком много платит, — сказала она наконец. — А когда человек слишком много платит, значит, он знает о товаре что-то, чего не знаешь ты.

Агафья подумала над этим. Потом кивнула — медленно, неохотно.

— Это верно, — признала она. — Покойная моя матушка так коров покупала. Ежели цыган за корову много даёт, значит, корова-то стельная.

— Вот именно, Агафья. — Алёна улыбнулась впервые за утро. — Наша корова, похоже, очень стельная. Осталось понять, чем.

Весь день она работала, как одержимая.

Принимала покупателей. Варила мазь. Растирала в ступке ивовую кору для порошков от жара. Мыла склянки, которые Агафья уже вымыла, — просто чтобы руки были заняты, а голова думала.

К вечеру в голове выстроился список.

Во-первых: деньги. Под сорок рублей в день. На мази и травах ей этого не заработать. Нужно что-то большое. Заказ. Один крупный покупатель, а лучше несколько.

Во-вторых: сырьё. Если Штраль перекроет поставщиков — а он перекроет, в этом Алёна не сомневалась, — нужно искать травы там, куда не дотягивается гильдия.

В-третьих: экзамен. Латынь у неё была — университетская, фармацевтическая, вбитая на всю жизнь. Химия — тоже. Но фармакопея здесь другая, старая, и её надо выучить так, чтобы отвечать во сне. Рецептурный журнал Павла Ивановича для этого подходил как нельзя лучше.

В-четвёртых: шкаф с ядами, вырванные страницы, три тысячи рублей и симптомы, подозрительно похожие на отравление мышьяком.

Четвёртый пункт она обвела в рамку и поставила рядом знак вопроса.

Ночью она долго не могла уснуть. Ворочалась, прислушивалась к скрипу половиц, к ветру в печной трубе, к мерному сопению Фосфора, который устроился у неё в ногах, как грелка.

И в эту ночь, впервые с того утра на переходе, она заплакала. Не о деньгах и не о Штрале — о глупостях. О Танечке, которая так и не узнает, почему сменщица не пришла на следующую смену. О мамином серебряном кольце, которого больше нет на пальце. О маминой могиле на Дмитрово-Черкасском кладбище, к которой теперь никто не придёт на Радоницу. О помещении на Советской с текущей крышей. О том, что в этом мире у неё нет ни одного человека, которому можно сказать правду, — и, может быть, никогда не будет.

Она плакала тихо, в подушку, чтобы не услышала Агафья. Фосфор перебрался из ног к её лицу, лёг рядом и замурлыкал — громко, упрямо, как маленький самовар.

Она почти задремала, когда снизу, из лавки, донёсся стук.

Не робкий, как стучали покупатели. Не размеренный, как стучал Сысоев. И не канцелярский, как у писаря Пыжова.

Это был грохот. Кулаком, сапогом, прикладом — всем сразу. От ударов задрожали стёкла в окнах, и с полки в спальне упала глиняная кружка.

— Аптекарь! — заорал за дверью хриплый мужской голос. — Открывай! Человек умирает! Открывай, именем генерала, не то дверь вынесем!

Глава 7. Денщик Ефим

Из «Аптекарского журнала» А. Вересовой: «Список того, что я не умею: шить раны, ампутировать, вправлять кости. Список того, что этой ночью пришлось делать: всё из первого списка, кроме ампутации. Слава Богу, кроме неё».

Алёна слетела по лестнице, накинув шаль поверх ночной рубашки. Агафья топала следом со свечой и причитала так громко, что перекрикивала грохот в дверь.

— Не открывайте, барыня! Разбойники! Солдатня пьяная!

— Пьяная солдатня, Агафья, не говорит «именем генерала», — сказала Алёна и отодвинула засов.

В лавку ввалились двое. Первый — кряжистый усатый унтер-офицер в мокрой шинели, с лицом, красным от холода и злости. Второй — совсем молоденький рядовой с перепуганными глазами. Между собой они тащили третьего, перекинув его руки себе через плечи. Третий был высокий, тяжёлый, с всклокоченными русыми волосами и мертвенно-серым лицом. Голова у него болталась, ноги волочились по полу.

И запах. Алёна почувствовала его раньше, чем увидела рану. Сладковатый, тяжёлый, гнилостный запах, от которого у неё мгновенно сжался желудок. Запах, который она до сих пор знала только по учебникам и по рассказам старших коллег из хирургических отделений.

— На прилавок, — сказала она. — Агафья, свет. Вось, что есть. Кипяток. Спирт — бутыль в задней комнате. Чистые простыни. Ножницы. Всь.

Агафья открыла рот, посмотрела на раненого — и закрыла его. Побежала исполнять.

Солдаты уложили раненого на прилавок, туда же, где несколько ночей назад лежал Петя. Унтер стащил с головы фуражку и вытер ею лицо.

— Унтер-офицер Грохотов, сударыня, — сказал он хрипло. — А это Ефим. Ефим Лаптев, денщик его превосходительства генерала Северского. Неделю назад на учениях лошадь понесла, сбросила его прямо на штыки в козлах. Носу ему распорол. Полковой фельдшер зашил, сказал — заживёт. А оно вот...

Он не договорил. Алёна уже разрешила ножницами пропитанную гноем штанину.

Рана была на бедре, с внешней стороны, длиной в ладонь. Зашита грубо, толстой нитью, крест-накрест, как мешок. Края распухли и побагровели. Кожа вокруг на полторы ладони во все стороны была красной, горячей, натянутой, как на барабане. От раны вверх, к паху, ползли тонкие алые полосы.

А в самом центре, под швом, кожа уже начинала темнеть.

Алёна сглотнула.

«Флегмона, — сказал у неё в голове спокойный голос. Голос преподавательницы хирургии, которая читала им, будущим провизорам, курс первой помощи “на всякий случай”. — Гнойное воспаление подкожной клетчатки. Шов наложен на грязную рану, гной не нашёл выхода и пошёл вглубь. Красные полосы — лимфангит, инфекция идёт по сосудам. Потемнение в центре — начало некроза. Ещё сутки, может двое, — и будет гангрена. Или заражение крови. Тогда — только ампутация. Без наркоза. И с огромным шансом не пережить её».

— Почему его не повезли к магам? — спросила она, не поднимая глаз от раны.

Грохотов скрипнул зубами.

— Возили, сударыня. К барону Остену. Тот глянул и говорит: простых не пользую, у меня дар не казённый. Мы ему деньги совали — всё, что солдаты собрали, восемь рублей. Не взял. К доктору Брюсову — тот сказал: резать ногу, завтра с утра, сейчас, мол, поздно, темно. А Ефим кричит: не дам ногу, лучше помру. — Унтер помолчал. — Ребята в казарме сказали, что вы мальчонку прачкиного с того света вернули. Вот мы и...

— Генерал знает?

— Его превосходительство в отъезде, сударыня. В уезде, на смотре. Завтра к утру будет. — Грохотов замялся. — Ефим ему как родной. С самой границы с ним. Ежели помрёт...

Он не договорил и это.

Раненый вдруг открыл глаза — мутные, лихорадочно блестящие.

— Ногу... не дам, — прохрипел он. — Слышите... не дам...

— Никто не будет резать вам ногу, Ефим, — сказала Алёна, наклонившись к нему. — Но мне придётся сделать вам очень больно. Вы понимаете?

Ефим попытался ухмыльнуться. Получилось жутковато.

— Больно — это... ничего, — выдохнул он. — Это мы... привычные. Вы только... это... ногу оставьте. Мне без ноги... его превосходительству сапоги... не почистить.

И снова закрыл глаза.

Агафья принесла всё, что было велено. Котёл с кипятком, бутылъ со спиртом, стопку простыней, ножницы, щипцы, тонкий острый ножик, которым Павел Иванович резал корни.

Алёна бросила ножик, ножницы и щипцы в кипяток.

— Это ещё зачем? — спросил Грохотов.

— Чтобы на них ничего не осталось.

— Да на них и так ничего нет. Чистые.

— Вы видите то, что на них есть, унтер, — сказала Алёна. — А я боюсь того, что на них есть и чего вы не видите.

Грохотов посмотрел на неё как на сумасшедшую, но спорить не стал.

Она вымыла руки. Дважды, горячей водой со щёлоком. Потом облила их спиртом. Кожа загорелась, как от крапивы.

Пока инструменты кипели, Алёна стояла над прилавком и смотрела на рану. Внутри неё, где-то под рёбрами, сидел маленький холодный страх.

Она не хирург. Она провизор. Четырнадцать лет она отпускала лекарства, консультировала покупателей, проверяла рецепты, ругалась с поставщиками. Она знала, как работают антибиотики, — но здесь не было антибиотиков. Она знала теорию первой помощи, — но никогда не вскрывала гнойник на живом человеке. На лекциях это выглядело так понятно. Схема. Стрелочки. «Широко рассечь, обеспечить отток, санировать полость».

Здесь не было стрелочек. Здесь был Ефим, которому лошадь распоролла ногу и который не хотел её отдавать.

«Если ты не сделаешь этого, — сказала она себе, — утром Брюсов отрежет ему ногу ржавой пилой. А потом Ефим, скорее всего, умрёт от заражения. Если ты сделаешь это плохо — он умрёт сегодня. Если ты сделаешь это хорошо — у него есть шанс. Других вариантов в этом мире нет».

— Унтер, — сказала она. — Держите его за плечи. Рядовой — за здоровую ногу. Агафья — свет ближе и не смотрите, если не можете.

— Я смогу, — неожиданно твёрдо сказала Агафья. — Я, барыня, у трёх рожениц повитухе помогала. Чай, не сомлею.

— Ефим, — Алёна наклонилась к раненому. — Вот. Зажмите зубами.

Она сунула ему в рот свёрнутый ремень. Ефим послушно стиснул его зубами и уставился в потолок.

Алёна достала из кипятка ножницы. Они обжигали пальцы даже через тряпку. И начала.

Потом, много лет спустя, она так и не смогла вспомнить эту ночь подробно. Только куски. Как будто память бережно убрала самые страшные кадры подальше, в тёмный чулан, и заперла на щеколду.

Она помнила, как перерезала грубые нитки шва, одну за другой, и как рана раскрылась, выпуская густой, жёлто-зелёный гной. Как Ефим выгнулся дугой и замычал сквозь ремень, а Грохотов навалился на него всем весом и забормотал: «Терпи, Ефимушка, терпи, браток».

Она помнила, как промывала полость кипячёной водой с солью — кружку за кружкой, пока вода не пошла чистой. Как убирала щипцами и ножиком то, что уже было мёртвым, — серое, неживое, — осторожно, миллиметр за миллиметром, боясь задеть сосуд.

Она помнила, что рядовой, совсем мальчишка, на середине побелел и сполз на пол, и Агафья, не выпуская свечи, одной рукой оттащила его к стене и сунула ему под нос нюхательную соль.

Она помнила, как Фосфор сидел на верхней полке, свернувшись вокруг пустой банки, и смотрел на всё это неподвижными жёлтыми глазами, не мигая.

И она помнила, как в какой-то момент поймала себя на том, что руки больше не дрожат.

Рану она не зашивала. Это было главным правилом, которое она вспомнила: гнойную рану не зашивают. Ей нужно дать дышать, дать гною выход. Алёна свернула полоску выкипяченного полотна и уложила в рану, оставив кончик снаружи — как фитиль у лампы. Наложила сверху рыхлую повязку, пропитанную тёплым раствором соли. Обмотала чистой простынёй.

— Всё, — сказала она и выпрямилась. Спина хрустнула. — Всё, Ефим.

Ефим выплюнул ремень. На коже остались глубокие следы зубов.

— Нога... на месте? — спросил он едва слышно.

— На месте.

— Ну... и слава Богу, — сказал Ефим и потерял сознание.

Остаток ночи Алёна просидела возле прилавка на табурете.

Каждый час она меняла влажную повязку. Поила Ефима, когда тот приходил в себя, — кипячёной водой с солью и мёдом, отваром ивовой коры от жара. Трогала его лоб. Считала пульс по старым часам Павла Ивановича, которые Агафья принесла сверху.

Грохотов сидел в углу на мешке с ромашкой и смотрел на неё. Он больше ни о чём не спрашивал. Рядовой спал у стены, укрытый шинелью, и во сне всхлипывал. Агафья задремала прямо на ступеньке лестницы, привалившись головой к перилам.

Около пяти утра лихорадка у Ефима начала спадать. Медленно, неохотно. Кожа на лбу стала влажной. Дыхание выровнялось. Красные полосы на бедре никуда не делись, но Алёне показалось — или ей хотелось, чтобы так показалось, — что они побледнели.

— Выживет? — тихо спросил Грохотов.

— Не знаю, — честно ответила Алёна. — Следующие два дня всё решат. Если жар не вернётся — выживет. И ногу сохранит.

— А ежели вернётся?

— Тогда я открою рану снова и почищу ещё раз.

Унтер долго молчал. Потом встал, расправил плечи, одёрнул шинель и вдруг поклонился ей — низко, в пояс, по-солдатски неуклюже.

— Сударыня, — сказал он. — Я тридцать лет служу. На Кавказе был. На границе был. Видел, как лекари полковые людей режут. И как маги лечат — тоже видел. Только ни разу не видел, чтобы кто-то так над простым солдатом сидел. Всю ночь. Задаром.

— Не задаром, унтер, — устало улыбнулась Алёна. — Я ещё возьму с вас за спирт. Он нынче дорогой.

Грохотов коротко хохотнул и снова сел на мешок с ромашкой.

За окнами серело. Ночная темнота становилась синей, потом серой, потом молочной. На улице закричал петух, ему откликнулся второй. Где-то вдалеке, за рекой, глухо пропела труба — в казармах на Острожной играли подъём.

Алёна прислонилась затылком к прилавку и закрыла глаза. На минутку. Только на одну минутку.

Её разбудили шаги на крыльце.

Тяжёлые, ровные, неторопливые. Шаги человека, который не привык ни спешить, ни ждать.

Грохотов вскочил, как подброшенный пружиной, вытянулся во фрунт, прижав руки по швам. Рядовой спросонья заметался у стены, пытаясь одновременно встать, надеть шинель и отдать честь.

Колокольчик над дверью звякнул.

В проёме, загорая собой всё бледное утро, стоял человек. Высокий, широкоплечий, в длинной шинели с меховым воротником, припорошенной первым снегом. Тёмные волосы, короткие, по-военному. Жёсткое, словно вырубленное из камня лицо с прямым носом и упрямым подбородком. Через левую бровь тянулся старый белый шрам.

А глаза у него были странные. Тёмно-янтарные, почти золотые. И в самой их глубине, Алёна могла бы поклясться, медленно тлел огонь — как угли в печи, которые вот-вот погаснут, но всё никак не гаснут.

Он посмотрел на Ефима, лежащего на прилавке. На окровавленные простыни. На тазы с бурой водой. На ножик и щипцы, разложенные на чистой тряпке.

Потом он посмотрел на неё. На растрёпанную, бледную женщину в ночной рубашке под шалью, с засохшей кровью на руках.

— Кто, — произнёс он очень тихо и очень отчётливо, — позволил вам резать моего человека?

Глава 8. Генерал Северский

Из «Аптекарского журнала» А. Вересовой: «Заметка о местных генералах: на вопрос “кто позволил” правильного ответа нет. Есть только честный».

— Никто, — сказала Алёна.

Она поднялась с табурета. Ноги затекли за ночь и плохо слушались, но она заставила себя выпрямиться. Шаль сползла с одного плеча, она поправила её — медленно, не отводя взгляда.

— Никто не позволял, ваше превосходительство. Его принесли сюда в первом часу ночи. Маги отказали. Доктор Брюсов собирался утром отрезать ему ногу. Ваш полковой фельдшер наглухо зашил грязную рану, и гной пошёл вглубь. Ещё сутки — и резать было бы уже поздно. Так что я не спрашивала позволения. Я делала то, что было нужно.

Генерал не шевельнулся. Только огонь в глубине его глаз будто вспыхнул чуть ярче.

— Вы — аптекарша, — сказал он. — Вдова Вересова.

— Да.

— Аптекари продают порошки. Они не режут живых людей.

— Обычно не режут, — согласилась Алёна. — Обычно на это есть хирурги. Сегодня ночью хирурга не нашлось.

Грохотов за спиной генерала издал какой-то сдавленный звук. Генерал не обернулся.

Он прошёл к прилавку — четыре широких шага, от которых, казалось, качнулись склянки на полках, — и наклонился над Ефимом. Рассматривал повязку. Красные полосы на бедре. Лицо раненого, серое, но уже не мертвенное. Потом — Алёна заметила это, и что-то внутри неё отметило с невольным уважением — генерал протянул руку и коснулся тыльной стороной ладони лба Ефима. Привычно. Точно так же, как это сделала бы она.

— Жар, — сказал он.

— Меньше, чем ночью. К утру спал. Если не поднимется снова — он будет жить.

— Вы не зашили рану.

— Гнойную рану не зашивают. Иначе гной снова останется внутри. Ей нужен выход.

Генерал выпрямился и посмотрел на неё сверху вниз. Он был выше её больше чем на голову, и ей приходилось запрокидывать подбородок, чтобы выдержать этот взгляд.

— Кто вас этому научил?

— Мой отец был врачом.

— Ваш отец, — медленно произнёс генерал, — если верить тому, что мне говорили о покойном аптекаре Вересове, был мелким помещиком из Тамбовской губернии. Разорился и умер от холеры, когда вам было двенадцать. Врачом он не был.

Алёне стало страшно — по-настоящему, впервые с той минуты, как она открыла глаза в чужой спальне.

Агафья говорила «по лекарской части». Не «лекарь». Значит, Агафья и сама толком не знала — или выдумала, приукрасила, как приукрашивала всё на свете. А этот человек знает. И знает, что она солгала.

«Хорошо, — подумала Алёна. — Значит, полуправда больше не работает. Придётся говорить так, чтобы не было ни слова лжи».

— Мой отец, ваше превосходительство, — сказала она ровно, — интересовался медициной. У него были книги. Я их читала. Много. А последние полтора года я жила в аптеке и смотрела, как работает муж. Если вы хотите знать, откуда я умею то, что умею, — я училась. Долго. Больше, чем вы думаете.

Это была чистая правда. Четыре года университета и четырнадцать лет практики — это действительно было больше, чем он мог бы подумать.

Генерал прищурился.

— Говорят, вы мальчишку прачки подняли яйцами и наговором.

— Яйцами и кипячёной водой, — поправила Алёна. — Наговор не понадобился.

— Говорят, вы ночью над ним что-то шептали. И кот у вас — не кот.

— Кот у меня — кот, — сказала Алёна. — Фосфор, покажите его превосходительству.

Фосфор, восседавший на верхней полке, лениво приоткрыл один глаз, посмотрел на генерала с выражением глубочайшего безразличия и снова закрыл.

Угол рта генерала дрогнул. Еле заметно, на долю секунды. Будто где-то глубоко под камнем шевельнулась улыбка, которой давно не выпускали наружу.

— И всё же, — сказал он, и голос его стал жёстче, — вы понимаете, что если бы он умер у вас на прилавке, вас бы обвинили в убийстве? Не Брюсова. Не фельдшера. Вас. Вдову, которая полезла не в своё дело. Никто бы не стал разбираться.

— Понимаю, — сказала Алёна.

— И всё равно взялись?

— А вы бы не взялись, ваше превосходительство? Если бы ваш человек умирал у вас на руках, а помочь было некому?

Генерал молчал. Огонь в его глазах потемнел, ушёл куда-то вглубь.

— Ваше превосходительство... — вдруг хрипло подал голос Ефим.

Все обернулись. Денщик лежал с открытыми глазами и смотрел на генерала. Лицо у него было измученное, но в глазах светилось что-то упрямое и почти весёлое.

— Ваше превосходительство... не ругайте барыню. Она мне... ногу спасла. Ей-богу. Я ж говорил, не дам ногу... а она... вон... — Он попытался приподняться на локте и тут же охнул. — Я вам теперь... ещё сто лет сапоги чистить буду.

— Лежи, — приказал генерал. — Сапоги подождут.

Голос у него остался жёстким. Но рука, которой он легонько придавил Ефима обратно к прилавку, была осторожной.

Он больше не спорил. Он задавал вопросы — короткие, точные, военные. Сколько гноя вышло. Почему кипятить ножи. Почему соль в воде. Что будет, если жар вернётся. Сколько дней Ефиму лежать.

Алёна отвечала так же коротко. Про ножи она сказала: «Чтобы не занести в рану новую грязь». Про соль: «Чтобы рана чистилась и не пересыхала». Слово «микробы» она проглотила — в этом мире его пока не было, а придумывать себе ещё одну легенду у неё не было сил.

— Грязь, которую нельзя увидеть, — повторил генерал. — Вы в неё верите?

— Я верю в то, что работает, ваше превосходительство.

Он помолчал, глядя на тазы с бурой водой.

— На границе, — сказал он вдруг, не глядя на неё, — у нас был полковой лекарь. Немец. Старик. Над ним все смеялись, потому что он мыл руки перед каждой перевязкой. Водкой. Говорили — переводит казённое добро. А у него в лазарете умирало вдвое меньше, чем у других.

— Что с ним стало?

— Умер. От лихорадки. — Генерал пожал плечами. — Подхватил её от раненого. Нового прислали молодого, из столицы. Тот рук не мыл. Солдаты опять стали умирать вдвое чаще. Я тогда думал, это совпадение.

— А сейчас?

Он не ответил.

Вместо этого он достал из-за пазухи кожаный кошелёк, вынул из него несколько монет и положил на прилавок рядом с Ефимом. Монеты блеснули жёлтым. Три золотых империала.

— Ефим остаётся здесь, — сказал он. — Пока вы не скажете, что его можно перевозить. Унтер Грохотов будет присылать человека за всем, что понадобится. Еда, дрова, всё. За лечение — это. Если мало, скажете.

Алёна посмотрела на золото. Три империала — тридцать рублей. Почти дневная норма, которую она себе высчитала. Почти в двадцать раз больше её трёхдневной выручки на мазях.

Отказываться было глупо. Брать — почему-то неловко.

— Это много, — сказала она.

— Это его нога, — ответил генерал. — Нога солдата стоит дороже. Я буду заходить каждый день. Проверять.

— Меня или его?

Вопрос вырвался сам собой, прежде чем она успела подумать. Генерал медленно повернул голову и посмотрел на неё — так, как, наверное, смотрел на противника на той стороне реки, оценивая, сколько у него сил.

— Обоих, — сказал он.

Он надел перчатки, кивнул Грохотову — тот снова вытянулся в струну — и направился к двери.

Алёна шагнула вслед, чтобы закрыть за ним засов. И в этот момент пол под её ногами вдруг накренился, как палуба. Бессонная ночь, недавняя горячка, голод, напряжение — всё навалилось разом. В глазах потемнело. Она протянула руку, чтобы схватиться за прилавок, и промахнулась.

Она не упала.

Чужая рука поймала её за локоть — крепко и бережно одновременно. Рука была горячей. Не тёплой, как бывают человеческие руки, а по-настоящему горячей, как нагретый солнцем камень, как бок печи. Жар прошёл сквозь тонкую ткань рукава, и Алёна на мгновение почувствовала его всем телом.

Она подняла глаза. Генерал стоял совсем близко. Огонь в его взгляде больше не тлел — он полыхнул, вспыхнул, на одно короткое мгновение залив тёмный янтарь чистым золотом. И тут же погас, словно его прихлопнули ладонью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.